

Зозуля Ефим Давидович

**Пятьдесят новелл из цикла
"Тысяча"**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Е91

Е91 **Ефим Давидович З.**
Пятьдесят новелл из цикла "Тысяча" / Зозуля Ефим Давидович – М.: Книга по Требованию,
2023. – 84 с.

ISBN 978-5-519-86285-1

ISBN 978-5-519-86285-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОТ АВТОРА

Цикл «Тысяча» будет состоять из тысячи новелл, в каждой из которых показывается человек, живущий (или живший) в годы нашей революции,—показывается через событие, поступок, через какую-нибудь черту, его характеризующую, в той или иной мере основную в нем и типичную (для определенного периода его жизни).

«Тысяча» должна быть разнообразна. Хотя бы двух новелл похожих не должно быть, как нет двух людей нашей страны, которые бы не отличались друг от друга. Гнусная и глупая сказка о штампованных коллективах должна быть окончательно забыта. Она смешна для всякого, кто хоть немного знаком с нашей жизнью.

Почему автор остановился на тысяче?

Потому что тысяча — это первое из чисел, которым измеряется жизнь масс.

Но, по существу говоря, наша неслыханная эпоха так широка, сложна и величественна, что можно и нужно изображать даже не одну тысячу, а значительно большее количество людей...

Никогда еще не было эпохи столь богатой, так все-сторонне показывающей великую, прекрасную, труд-

ную, капризную и до бесконечности разнообразную природу человека, как наша.

Работа над «Тысячью» длится около года. Пока написано и напечатано больше двухсот новелл. Вниманию читателя в данной книжке предлагается пятьдесят новелл.

Новеллы не имеют заголовков. Некоторых читателей это удивляет, но поскольку во всех новеллах показываются люди, объединенные одним историческим фоном, отдельные заголовки к каждой новелле вряд ли нужны.

Разговор был довольно крупный. Некоторые посетители вокзала даже останавливались. Один из пассажиров, с большим чемоданом в руке, поставил его на каменный пол и внимательно слушал. За большим прилавком, заложеным газетами и книгами, неистовствовала маленькая женщина.

— Вы не имеете права!—кричала она.—Мне это надоело! Я буду жаловаться начальнику вокзала. Что это такое в самом деле! Безобразие! Я из-за вас работать не могу! Каждый день, каждый день, и утром, и днем, и вечером—пристаете!

Все это относилось к носильщику, который в смущенной позе стоял сбоку у прилавка. Высокий, плечистый, повидимому, очень сильный, он терпеливо слушал и молчал.

Пассажир, поставивший чемодан на каменный пол, поднял его, сделал два шага по направлению к киоску, опять поставил чемодан и продолжал слушать.

— Не смей подходить сюда!—продолжала кипятиться женщина.—Я буду тебе давать каждое утро газету, только не торчи здесь, пожалуйста.

Носильщик медленно отошел.

Пассажир с чемоданом не выдержал. Подошел к стойке, купил газету и спросил:

— А что он натворил, этот самый носильщик?

Продавщица охотно поделилась своим огорчением:

— Понимаете ли, он недавно ликвидировал свою неграмотность, научился читать. Вот с тех пор прямо несчастье. Как только свободен—так все мне тут перевероршит: все газеты разворачивает, смотрит, все картинки ему нужно видеть, все подписи ему нужно прочесть! И не только газеты! Все книги перевероршит, журналы, во все лезет! Прямо не знаю, что с ним делать! Ведь работа у нас нелегкая: пока все сложишь да с покупателем надо работать, а его никак не отгонишь — одну газету возьмет, стоит вот тут, читает, ищет чего-то, потом другую, потом третью... Все ему нужно знать. И сюда, на полку, лезет, книжки достает, каждую обязательно перелистывает... Прямо все нервы испортил... Уж я не выдержала и прогнала его. Безобразие... Хочешь читать — возьми газету, возьми книжку... Я сама тебе дам, только отвяжись, наконец!

Пассажир ушел. Еще минут двадцать ее маленький носик был красен от возбуждения. Затем она успокоилась.

Работал в цехе. Шли дни за днями. Трудности, преодоления, разрешение задач. В последнее время возрос шум от новых станков. Как-то стало все серьезнее в цехе, стало труднее не отставать. Руки мыть после смены надо было дольше — масло глубже въедалось в кожу.

К концу месяца выяснилась недоработка. Лица стали сумрачнее. Каждый чувствовал себя виноватым. Часто совещались бригадиры. Тяжелые два месяца.

Бывали дни, когда ему казалось, что им недовольны.

В самом деле, может быть и он не так работает? Его станок работал в общем исправно, но может быть кто-либо другой заставил бы его по-иному работать,— удвоить, утроить продукцию? Сколько раз он видел, что делает способный человек! Казалось бы, ничего нельзя сделать со станком или инструментом. Ничего! Но вот приходит способный человек, и все поворачивается в другую сторону. Продукция увеличивается, как-то все оживает... Неужели нельзя сделать больше того, что он делает?

И вдруг—демонстрация. Все на демонстрацию! Революционный праздник! Захвачен весь город! Цветы! Самолеты! Музыка! Колонны за колоннами! Он затеян. Кто он такой? Песчинка! Людская завитушка! Человеко-единица.

Он стоит в сотом—или двухсотом или трехсотом—ряду своего завода. Медленно продвигается, спокойно стоит, когда продвигаться нельзя. А чем ближе к Красной площади, тем дольше приходится стоять. Стоят по десять минут, по пятнадцать, по двадцать. Хороводы, танцы. Пляшут девушки, пляшут парни. Он не пляшет. Почему? Как-то не выходит. Мешает неловкость.

И вдруг он чувствует, как его схватили за плечи чьи-то крепкие руки. В чем дело?! Так грубо! Что за хулиганство! И за голову еще схватили. Нет, это чор! знает, что такое! Кто-то зажал голову железным локтем. В чем дело?! И за ноги схватили!

Он падает на чьи-то руки. Вокруг улыбающиеся лица, чей-то раскрытый рот кричит «ура»... Он ошеломлен, опрокинут...

И вдруг взвивается в воздух от могучего толчка

десятка рук... Он летит высоко, метра на два; он не подготовлен и, вероятно, смешон. Так ему кажется. Кепи слетело, ноги в воздухе растопырены... Он падает на руки и опять взлетает еще выше... Опять падает и опять взлетает под оглушающие крики «ура»...

Его качают. Кто же его качает? Товарищи по цеху... Неужели же к нему так хорошо относятся?! Неужели он заслужил такое внимание?!

Наконец, отпускают. Подают кепи, хлопают по плечу, жмут руку. Колонна движется дальше. Он чувствует под собой легкую почву. Глубокая радость пронизывает его. Все кажется ему еще более радостным...

Он впервые почувствовал и навсегда запомнил первый привет коллектива.

Нельзя определить, кто он: курд, туркмен, узбек, татарин, может быть, армянин, может быть, ассириец, может быть, европеец, до предела просмоленный и обугленный солнцем. Главное: на смуглом, остром лице — злая, окончательная, сосредоточенная и титанически сдерживаемая ненависть. Кто его обидел? Когда нет клиентов, он сидит в своей будочке чистильщика обуви неподвижно, глядя на тротуар, а не на людей. Он отгородился от мира в своей фанерной будочке и не хочет никого видеть. Если в поле его зрения попадает прохожий, он отворачивается, как от гадины. О, если бы он мог расправиться с людьми!

Кто же он такой? Откуда он взялся?

Откуда попал в далекий крохотный городок седьмой республики?

Он индивидуалист. Непримируемый и крайний. Он дрался с революцией, и революция отшвырнула его незаметно, как отшвыривает соринку могучий ветряной поток. Он метался по городам, терял квартиры, друзей, детей, деньги, нажитые торговлей. Он приходил в последнюю ярость и, наконец, в бессилии бежал в далекую седьмую республику и отгородился от всех — и от революции, и от любых попыток понять ее — в этой будочке чистильщика обуви.

Единственное, что он приемлет, — это сапоги и ботинки, которые чистит и получает за это по рублю. Но он даже и об этом не хочет говорить с людьми.

Над его головой на фанере написано: «Чистка — рубль», и если переспрашивают, он не отвечает, а указывает на надпись пальцем.

Когда он кончает чистить обувь, он тоже не говорит ни слова. Он не хочет говорить. Он не хочет также стучать щеткой по ящику.

Он — звонит. У него на земле, под низеньким стульчиком, на котором он сидит, стоит звонок. И, кончив чистить, он резко звонит, давая знать клиенту, что он свободен. На лицах некоторых — удивление, часто улыбка, но он не смотрит на лица своих клиентов. Ему наплевать, какое у них выражение.

На аэродроме трава была сырая. Давно зябло в утренней прохладе несколько человек, пришедших по делу. Они в первый раз были на аэродроме в утренней деловой обстановке и с интересом смотрели, как снимали с машин чехлы, как заводили моторы. К одной из заведенных машин подошла невысокого роста де-

девушка в вязаной шапочке, в скромном платье. Подошла к машине и попробовала сразу забраться на место пилота. Надо было поставить ногу на высокую ступеньку. Помешала узковатая юбка. Она подняла юбку немного выше колена, поставила ногу и взобралась. В кабинке пилота она надела кожаное пальто, шлем, и машина почти сразу взвилась вверх.

— В чем дело?— спросили посетители, хотя знали, какой будет ответ.

И им ответили:

— Ни в чем. Это студентка авиационного института. Пилот. Выполняет учебные задания.

Задание было сложное. Машина делала круги, поднималась, опускалась, делала виражи, то совсем низко опускалась над аэродромом, то высоко взвивалась в синюю высь. Примерно через полчаса она плавно опустилась и подъехала к тому месту, откуда был взят старт. Еще через несколько минут девушка-пилот вылезла из кабинки и легко соскочила с той ступеньки, на которую взбиралась не без труда. Повозившись около машины, она так же спокойно и скромно, как шла к ней, направилась к одному из зданий. Она проходила мимо группы людей, не спускавших с нее глаз. Некоторые смотрели на нее с открытыми ртами, как на нечто невиданное и совершенно новое. Она чувствовала на себе эти взгляды. Они жгли ее радостью и гордостью. Она была счастлива, счастье шло с ней, делало с нею каждый шаг, и, проходя мимо группы людей, смотревших на нее, она крепко сжала губы и опустила лицо.

60 лет. Старый партизан. Возглавлял отряд и долго боролся с басмачами. Многие помнят его улыбку, слишком удивленную и радостную для старика, и его ярость, сделавшую его имя известным во многих ущельях.

Сейчас он техник-агроном. Любовно работает, вдохновляя молодежь и сам вдохновляясь ею.

Он строен и высок, как все таджики, и красив, когда в закате солнца величаво едет на высоком коне по новой дороге, на которой каждый утес, каждый камень связан с недавней длинной и упорной борьбой.

Но он мало думает о прошлом. Он слишком занят текущей работой совхоза. Он ездит из района в район, и порой ему бывает трудно. Веселая, удивленная улыбка сходит с его лица.

Иногда он что-то странное делает в горах. Вот он пробирается по тропинке на испытанном коне. Он встречает знакомых и товарищей. Одни проезжают на автомобилях. Они перебрасываются с ним парой деловых слов и вопросов. Другие плетутся на арбах — у него есть дело и до них.

Но все же порой он отдаляется и от тех и от этих — он взбирается на узкую, старую тропинку, по которой теперь уже нет надобности пробираться, ибо есть новая дорога.

Что же несет его туда? Он уединяется, он явно уединяется.

И за ним подглядели... Нет тайн и в горах и в ущельях...

Он забирается в уединенное место, где сутками он раньше выжидал басмачей, а сейчас он слезает с коня,

привязывает его к камню, становится на колени, достает из-за пазухи папку с бумагами, карандаш и долго вычисляет количество зерна, продукцию совхоза, сдачу норм и многое другое.

Почему же здесь, в укромной расщелине, на трудной тропинке, по которой конь ходит сам и им нельзя управлять?

Старику трудно дается счет. Это единственное, что его мучает, — молодые так ловко подсчитывают, быстро, упрощенным способом, а он не умеет. Он должен тут, на камне, выписывать все цифры отдельно, медленно, по-своему их складывать и вычитать. Позор! Иногда он прибегает даже к каким-то палочкам, к кружкам... Он ни за что не хочет, чтобы об этом знали. Ему стыдно. И с большим трудом, много раз проверяя себя, он все же подсчитывает, ибо—так или иначе—ошибаться нельзя...

Старый шахтер. Забойщик. Удивительная кровь. Он почти не устает. Сорок лет непрерывного труда. В его табличках мелькает сто пятьдесят процентов, сто тридцать пять, сто шестьдесят два. Ему давно время получать пенсию, но он не хочет бросать работы. Лицо в глубоких морщинах, но глаза восторженны, и хорошей, располагающей стеснительностью скована высокая костлявая фигура. Его хвалят. Часто. Надо что-то сказать в ответ, но он не знает, что. Вертятся в воздухе слова, которые полагается говорить старикам:

«Работать, чтобы показать пример молодежи»...
«Мы, старики, еще докажем, что мы молоды»...